

5) КВЕСТ 5 «Этот воздух пусть будет свидетелем»

ВВОД:

В революции я разочаровался окончательно. После прихода Сталина к власти – никакой свободы. Вообще никакой. Меня перестали печатать так много, как прежде. Многих моих друзей посадили по ложным доносам, за то, что они выражали свое несогласие с политикой Сталина. Вот и против меня ополчились тоже. Государственная цензура душила всякие произведения, которые шли вразрез с политикой партии или же просто не поддерживали верхушку. Меня это доконало. Доконало и всё! Я не мог сидеть в стороне от происходящего. Вот, собственно, и родилось у меня стихотворение «мы живем под собою не чужа страны». Это стихотворение было радикально антисталинским. Мой знакомый, Борис Пастернак, назвал это произведение «самоубийством». Что же, посмотрим.

СОБЫТИЕ МИР

Дети: Гости дома Нади и Осипа Мандельштамов (это организатор и поэт сам со своими детьми) + нужны люди из НКВД, двое(?)

АА: Надя, Осип, у меня нехорошее предчувствие, да и мысли дурные, случится что-то.

Осип: Сейчас только дурные мысли и бывают. Аня, хотел отдать тебе свое стихотворение, которое писал, помнишь? Вот, возьми!

*Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.*

*Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавленными звезда.*

*И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, –
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.*

*Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи –
Как нацелясь на смерть городки зашибают в саду, –
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорище найду.*

Надя: Осип, с чего ты?

АА: Послушай, если тоже думаешь, что что-то будет, давай хоть что-то увезем? Препрячем? Может ко мне, может куда еще, хотя бы здесь найдем место.

Дети уговаривают Мандельштама спрятать часть рукописей у них дома, увезти к Ахматовой. Собирают книги, рукописи, бумаги. Временами Осип поднимает лист и читает стихотворения:

*Мы живем, под собою не чужа страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,*

Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

АА: Об остальном молчу, но эта вещь у тебя “вырублена”, монументально-лубочная.
А уж что заложено - не тайна.

Осип: Конечно, это проще всего. Я хочу, чтоб ее пели на улицах!

*А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать —
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...
И вместо ключа Ипокрены
Домашнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.*

Надя: Ох, теперь и я, Анна Андреевна, беспокойна.

К концу сборов, дверь резко открывают, Мандельштама арестовывают, чекисты роются в бумагах, откладывают арестованные рукописи.

Дети с Ниной и Ахматовой собирают вещи.

Ч: Зачем вы так много вещей даёте с собой, долго не задержим — посидит у нас и отпустим.

Надя: Мы этому не верим уже.

Осип прощается со всеми и уходит в сопровождении сотрудников НКВД.

Буквально сразу после этого, Мандельштама помещают в комнату, а двери закрывают, оставляя детей снаружи. Доносятся крики Мандельштама.

Сотрудник НКВД признается, что Мандельштама арестовали по доносу. Что ему грозит, по крайней мере, ссылка или заключение в ГУЛАГ. Самое худшее развитие событий тоже вероятно. Возможно, Мандельштама попросту расстреляют. Однако, сотрудник НКВД говорит детям, что если они смогут убедить Осипа написать стихотворение про Сталина, то Мандельштама могут помиловать. После этого детей впускают к израненному Осипу. Теперь дети должны выбрать: либо Мандельштам идет на сделку с совестью и пишет стихотворение, восхваляющее Сталина, или Осип остается в заключении.

ВЫВОД То, что со мной делается, — дольше продолжаться не может. Ни у меня, ни у жены моей нет больше сил длить этот ужас. Больше того: созрело твёрдое решение всё это любыми средствами прекратить. Это — не является «временным проживанием в Воронеже», «адмвысылкой» и т. д. Это вот что: человек, прошедший через тяжчайший психоз (точнее, изнурительное и острое сумасшествие), — сразу же после этой болезни, после покушений на самоубийство, физически искалеченный, — стал на работу. Я сказал — правы меня осудившие. Нашёл во всем исторический смысл. Хорошо. Я работал очертя голову. Меня за это били. Отталкивали. Создали нравственную пытку. Я

всё-таки работал. Отказался от самолюбия. Считал чудом, что меня допускают работать. Считал чудом всю нашу жизнь. Я стал инвалидом. у меня безо всякой новой вины отняли всё: право на жизнь, на труд, на лечение. Я поставлен в положение собаки, пса... Я — тень. Меня нет. У меня есть одно только право — умереть. Меня и жену толкают на самоубийство. Я не стал никого подставлять. Написал эту проклятую хвалебную оду Сталину. Надеюсь, меня отпустят.

Глазами Сталина раздвинута гора

И вдаль прищурилась равнина.

Как море без морщин, как завтра из вчера —

До солнца борозды от плуга-исполина.

Он улыбается улыбкою жнеца

Рукопожатий в разговоре,

Который начался и длится без конца

На шестиклятвенном просторе.

И каждое гумно и каждая копна

Сильна, убориста, умна — добро живое —

Чудо народное!

Да будет жизнь крупна.

Ворочается счастье стержневое.

Давление на меня действительно ослабили. И снова арестовали. Меня осудили на 5 лет лагерей и отправили на Восток. Везли законченных, как скот. В товарных вагонах. Смог отправить одно лишь письмо. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощён до крайности. Исхудал, неузнаваем почти. Но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мёрзну без вещей. Родная Надинька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка. Родные мои, целую вас. Ося. Это было мое последнее письмо. 27-го декабря, 1938-го года я умру. Мое тело положат в «зимний штабель». Это когда трупы укладывают друг на друга, пока земля не станет мягкой, чтобы захоронить. Место моего захоронения никогда не будет обнаружено точно. Моя жена узнает о моей смерти только спустя два года. Все отмечали, что я был поэтом-провидцем. И я хочу вам прочитать одно из своих самых главных произведений.

1

Этот воздух пусть будет свидетелем —

Дальнобойное сердце его —

И в землянках всеядный и деятельный —

Океан без окна, вещество.

До чего эти звёзды изветливы:

Всё им нужно глядеть — для чего? —

В осужденье судьбы и свидетеля,

В океан без окна вещество.

Помнит дождь, неприветливый сеятель,
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.
Будут люди холодные, хилые
Убивать, голодать, холодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.
Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать,
И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчёт,
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечёт.

2

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами —
Ядовитого холода ягодами —
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий миры.

3

Сквозь эфир десятичноозначенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число опрозраченный.
Светлой болью и молью нулей.
А за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлем —
Весть летит светлопыльной дорогою —
И от битвы вчерашней светло.
Весть летит светопыльной дорогою —
Я не Лейпциг, не Ватерлоо,
Я не битва народов. Я — новое, —
От меня будет свету светло.
В глубине чернораморной устрицы
Аустерлица погас огонек —
Средиземная ласточка щурится,
Вязнет чумный Египта песок.

4

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.
Миллионы убитых задёшево
Притоптали траву в пустоте,
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей.
Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оконных смертей,
За тобой — от тебя — целокупное —
Я губами несусь в темноте.
За воронки, за насыпи, осыпи
По которым он медлил и мглил,
Развороченный — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил.

5

Хорошо умирает пехота,
И поёт хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой швейка,
И над птичьим копьем Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружит с человеком калека:
Им обоим найдётся работа.
И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка —
Эй, товарищество — шар земной!

6

Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чтоб его дорогие глазницы
Не могли не вливаться в войска.
Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится —
Чаша чаше, отчизна — отчизне, —
Звёздным рубчиком шитый чепец,
Чепчик счастья — Шекспира отец.

7

Ясность ясеневая и зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,

Словно обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.
Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди — не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный —
Это слава другим не в пример.
И сознание своё затоваривая
Полубморочным бытиём,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнём?
Для того ль заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Чтобы белые звезды обратно
Чуть-чуть красные мчались в свой дом?
Слышишь, мачеха звездного табора —
Ночь, что будет сейчас и потом?

8

Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
— Я рождён в девяносто четвёртом,
Я рождён в девяносто втором...
И, в кулак зажимая истёртый
Год рожденья с гурьбой и гуртом,
Я шепчу обескровленным ртом:
— Я рождён в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном.
Ненадёжном году, и столетья
Окружают меня огнём.